

Однако Ши Нин, который сидел у кровати, вытирая пот с тела Тан Цяня и шепча слова утешения, используя технику «Спасение всех живых существ», резко повернулся:

— Нет, прием порошка приносит только вред, и это явно часть тщательно спланированного заговора. Если мы сдадимся, то сыграем на руку заговорщикам. Евнух Ван, вместо того чтобы беспокоиться здесь, лучше используйте это время, пока здоровье Его Величества слабо, чтобы выяснить все детали этого дела. И еще... Евнух Ван, я верю, что Его Величество справится.

Ши Нин больше не притворялся покорным, его взгляд был твердым и непреклонным.

Тан Цянь, корчась на кровати, едва слышал слова Ши Нина, но они задели его за живое. Собрав последние силы, он прошептал:

— Слушай... Ши Нина.

Евнух Ван, потерянный и растерянный, подчинился его воле, слезы на глазах, но с ненавистью к тем, кто стоял за этим:

— Если я найду того, кто стоит за этим, он пожалеет!

Процесс отвыкания Тан Цяня держался в строжайшей тайне. Чтобы предотвратить слухи, было объявлено, что он уехал на гору Сишань, чтобы избежать летней жары. Только двое врачей, евнух Ван и Ши Нин знали об этом, конечно, не считая скрытых телохранителей. Врачи искали способы сократить время и уменьшить боль, евнух Ван, получив цель, собрался с духом, чтобы все выяснить, а Ши Нин оставался рядом с Тан Цянем: утешал его во время приступов, а в перерывах между ними пересказывал содержание докладов, чтобы помочь ему управлять государством.

Через несколько дней тело Тан Цяня быстро истощалось, но Ши Нин, который и сам был худым, выглядел еще более изможденным. Ведь бессонница Тан Цяня не прошла, и Ши Нин не мог нормально спать.

По мере того как они проводили вместе все больше времени, четкая граница между хозяином и слугой начала стираться. Однажды ночью, после очередного приступа, оба были покрыты потом. Ши Нин был так измотан, что даже не смог привести себя в порядок, просто упал на Тан Цяня и уснул. А Тан Цянь, по неизвестной причине, просто смотрел на его усталое лицо всю ночь. На следующее утро, когда Ши Нин проснулся, он заметил, что взгляд Тан Цяня стал странным.

Возможно, в этом действительно была правда — близость рождает чувства. Раньше Ши Нин восхищался прошлыми подвигами Тан Цяня, но видел в нем лишь символ из истории. Однако в какой-то момент, наблюдая, как Тан Цянь корчится от боли на кровати, дрожит, рыдает, с связанными конечностями и затычкой во рту, Ши Нин почувствовал глубокую печаль.

Радостно то, что, хотя тело Тан Цяня быстро истощалось, его взгляд становился все более ясным и глубоким. По мере того как сокращались интервалы между приступами и уменьшалась их продолжительность, императорская власть Тан Цяня укреплялась. Евнух Ван был настолько счастлив, что едва сдерживал слезы. Его мудрый и могущественный император вернулся! Однако, хотя все чувствовали его растущую власть, он не хотел, чтобы Ши Нин заметил его изменения. С Ши Нином он оставался капризным и снисходительным, позволяя их отношениям становиться все более размытыми и двусмысленными.

Когда Ши Нин хотел пить, Тан Цянь сам подавал ему чашку чая, а во время приступов они

сидели так близко, что их щеки почти соприкасались. Из слов и поступков Ши Нина он понял, что это не просто обычный евнух, но позволил ему раскрыться, увидев в нем внутреннюю гордость и легкую лень, просвечивающую в уголках глаз. Они вместе сидели, вместе отдыхали, и казалось, что Тан Цянь не может обойтись без Ши Нина. Даже Ши Нин, беспокоясь, спрашивал свою Систему, не слишком ли Тан Цянь стал зависеть от него.

А евнух Ван, служивший Тан Цяню десятилетия, был тем, кто все понял. Он раньше самого Тан Цяня увидел в его взгляде на Ши Нина скрытый огонь, который был горячим и глубоким.

Теперь приступы Тан Цяня стали гораздо реже, и процесс отвыкания был успешным, что придало Ши Нину, который настаивал на этом, определенный авторитет. Те, кто знал правду, больше не смотрели на этого всегда спокойного молодого человека свысока. Благодаря заботам врачей, постоянному притоку драгоценных лекарств и сильной воле Тан Цяня, его здоровье восстановилось.

Когда врач наносил мазь на раны на ладонях Тан Цяня, оставшиеся от того, что он сжимал их в кулаки, и сказал, что токсины в его теле почти выведены, и его организм больше не зависит от порошка «Ханьши», этот сильный мужчина широко улыбнулся.

Увидев его радость, Ши Нин тоже не мог сдержать улыбки. Мудрый и могущественный император Северной Чжоу У-ди не сошел с ума, как это было описано в истории. Это было первое изменение, которое он внес, придя сюда. Видя эти изменения, он мог с чистой совестью сказать своему прежнему «я», что его усилия не были напрасны, и это только начало.

Ши Нин улыбался искренне, его глаза сияли, и Тан Цянь, увидев это, почувствовал тепло в груди. Когда врач ушел, он быстро подошел к Ши Нину. Расстояние между ними было минимальным, и опасный взгляд Тан Цяня заставил Ши Нина почувствовать что-то неладное. Он удивленно посмотрел на него:

— Ваше Величество?

Тан Цянь сглотнул, словно наконец решившись, и провел рукой по гладкой щеке Ши Нина. Раньше его лицо было немного детским, но за эти месяцы он похудел, и теперь выглядел более зрелым. Несмотря на худобу, его красота не уменьшилась, а лишь стала более трогательной.

Это прекрасное лицо выглядело таким беззащитным, но за последние месяцы, которые казались вечностью, Тан Цянь ясно чувствовал спокойствие и решимость Ши Нина. Он заботился о нем, волновался, и постепенно Ши Нин занял в его сердце место, которое выходило за рамки простого слуги или доверенного лица.

Но Тан Цянь не видел в этом ничего плохого. Капризный император жаждал этого тепла и хотел большего.

— Ши Нин, ты слышал? Моя болезнь прошла!

Ши Нин с улыбкой кивнул:

— Да, слышал. Ваше Величество благословено небесами, и теперь ваши великие дела не за горами.

Тан Цянь был взволнован. Увидев, как губы Ши Нина шевелятся, он, не раздумывая, поцеловал его. Ши Нин широко раскрыл глаза, удивленный, но, опомнившись, не почувствовал ни капли сопротивления. Напротив, он погрузился в страстный поцелуй Тан Цяня, неумело отвечая, его

тело мягко обмякло в его объятиях.

В глазах Тан Цяня мелькнула радость, и он погрузился в поцелуй еще глубже.

В самый разгар страсти голос евнуха Вана, спрашивающего, принять ли министров, резко вернул их к реальности. Ши Нин поспешно оттолкнул Тан Цяня, который уже начал ласкать его, и, увидев, что их одежда в беспорядке, покраснел и начал приводить себя в порядок. Его лицо стало ярко-красным, когда он заметил, что под одеждой Тан Цяня что-то явно возбуждено.

Тан Цянь был раздражен, но, увидев смущение Ши Нина, особенно его покрасневшие глаза, которые теперь выглядели как цветы персика, почувствовал радость и тепло в груди. Что могло быть приятнее, чем узнать, что тот, кто тебе нравится, отвечает взаимностью? Он чувствовал, что ответ Ши Нина не был просто покорностью слуги, но был наполнен радостью и влечением.

Поэтому, когда Ши Нин подошел, чтобы помочь ему привести себя в порядок, Тан Цянь неожиданно взял его мочку уха в рот, заставив Ши Нина едва не потерять равновесие. Ши Нин сердито посмотрел на него, но Тан Цянь воспринял этот взгляд как кокетство и засмеялся, тихо намекая:

— А Нин, я сегодня не буду спать.

==

С апреля, когда прорвало дамбу на Хуанхэ, проблема перенаселения в центральных регионах стала актуальной. Особенно в зоне затопления, где тысячи беженцев хлынули в другие города центрального Китая. В столице, чтобы сохранить порядок, беженцев тщательно проверяли, а в среднем течении Хуанхэ земля была опустошена, и повсюду лежали трупы умерших от голода.

<http://bllate.org/book/17715/1655404>